

БЫЧКОВ Сергей Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права Северо-Западный филиал
Российского государственного университета
правосудия им. В.М. Лебедева,
e-mail: snb0464@mail.ru

ДМИТРЕНКО Полина Александровна,
студентка 3 курса факультета подготовки
специалистов для судебной системы (юридический факультет)
Северо-Западного филиала Российского государственного
университета правосудия им. В.М. Лебедева,
e-mail: Polinadmitrenko0@gmail.com.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ПРИЗНАК ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НОРМАТИВНОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНЕ И ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ

Аннотация. Искусственный интеллект продолжает свое последовательное движение в направлении переосмысления привычных сфер человеческой деятельности. Эта уникальная система, основанная на практическом применении алгоритмов «машинного разума», становится неотделимой частью общественных отношений, требующих надлежащей юридической оценки – правовой квалификации. В этой связи совершенно недопустимым представляется игнорирование применения искусственного интеллекта при совершении преступлений, выступления искусственного интеллекта признаком объективной стороны в качестве средства, орудия или способа совершения преступления. Особую актуальность приобретает оценка применения сложных алгоритмов, способных к обучению и самостоятельному принятию решений (полностью вне контроля человека), поскольку такие алгоритмы уже используются для достижения противоправных целей: для осуществления мошеннических операций (одна из наиболее актуальных проблем обеспечения правопорядка и безопасности в российском обществе), массовых рассылок вредоносного, запрещенного содержания или даже для автономного управления беспилотными транспортными средствами, используемыми в качестве орудия террористического акта или диверсии. Верная правовая оценка позволит обеспечить надлежащий уровень правоприменения, повысить эффективность производства по уголовным делам, а также предложить способы совершенствования текущего уголовного закона.

Ключевые слова: искусственный интеллект объективная сторона преступления, машинный разум, алгоритм, правовая квалификация.

BYCHKOV Sergey N.,
Candidate of Law, Associate Professor Associate Professor,
Department of Criminal Law Northwestern Branch
of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

DMITRENKO P. Aleksandrovna,
3rd-year student of the specialist program
of the faculty of training the judicial system (law faculty)
of the North-West branch of the Russian State University
of Justice named after V.M. Lebedev

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A SIGN OF THE OBJECTIVE SIDE OF CRIMES: NORMATIVE CONSOLIDATION IN CRIMINAL LAW AND QUALIFICATION FEATURES

Annotation. *Artificial intelligence continues its consistent movement toward rethinking familiar areas of human activity. This unique system, based on the practical application of “machine intelligence” algorithms, is becoming an integral part of social relations, requiring proper legal assessment—legal qualification. In this regard, ignoring the use of artificial intelligence in crimes, its role as an objective element as a means, tool, or method of committing a crime, seems completely unacceptable. Assessing the use of complex algorithms capable of learning and independent decision-making (completely outside of human control) is particularly relevant, as such algorithms are already being used to achieve illegal goals: to carry out fraudulent operations (one of the most pressing problems of ensuring law and order and security in Russian society), to mass mailings of malicious, prohibited content, or even to autonomously control unmanned vehicles used as a weapon in terrorist attacks or sabotage. A correct legal assessment will ensure an appropriate level of law enforcement, increase the efficiency of criminal proceedings, and also suggest ways to improve the current criminal law.*

Key words: *artificial intelligence, objective side of crime, machine intelligence, algorithm, legal qualification.*

Искусственный интеллект (ИИ) – уникальное изобретение системы «машинного разума», способной решать задачи, требующие алгоритмичных, повторяемых действий, проводить аналитическую работу, направленную на скорое изучение объемов информации с целями ее систематизации и обобщения. При этом потенциал применения ИИ уже давно вышел за пределы обозначенных нами сфер применения «монотонных действий»[1, С. 22]. ИИ в некотором смысле «переворачивает» представления о «привычном» восприятии творчества и искусства, допуская до создания уникальных изображений, подготовки музыкальных композиций и иных «высокохудожественных произведений» почти каждого. Вместе с тем такое широкое распространение порождает закономерные угрозы применения ИИ для целей совершения преступлений.

ИИ – это в первую очередь зависимая от человека алгоритмичная конструкция, требующая прямого участия человека в формировании запросов, определении технического задания, равно корректировки результатов применения этой конструкции[2, С. 133]. Никакое применение за пределами участия человека в настоящее время представляется невозможным, соответственно, ИИ остается исключительно инструментом, набором средств возможного воздействия на объективную реальность.

Соответственно, в продолжение нашей мысли отметим, что из такого определения и вытекает существо ИИ как объективной стороны преступления. Объективная сторона преступления охватывает собой внешнее проявление преступного посягательства, выраженное в общественно опасном деянии (действии или бездействии) и его последствиях [3, С. 93]. Применительно к такой оценке ИИ необходимо обозначить, что его роль в этом качестве может проявиться только через непосредственное использование человеком для совершения противоправных дея-

ний – разработку машинного алгоритма выполнения объективной стороны преступления (к примеру, создания бота, совершающего звонки с целью введения неопределенного круга лиц в заблуждение). Применительно к ИИ, такой волевой элемент отсутствует, что исключает возможность признания самого ИИ субъектом преступления. Проблемным аспектом становится верная оценка конкретного проявления применения ИИ (чем он является по сути своей – средством, способом или орудием совершения преступления).

ИИ как средство совершения преступления представляется нам наиболее соответствующим объективной действительности применения технологий «машинного разума» при совершении преступлений. Средство совершения преступления как материальный или информационный объект, используемый преступником для облегчения, подготовки или осуществления преступного деяния, по сути своей создает «облегченные условия» совершения преступления, определяя не само преступное деяние (для этого следует учитывать иные признаки состава преступления), которое при прочих равных могло бы быть совершено и без использования ИИ, а только лишь упрощенное исполнение задуманного[4, С. 130]. Нельзя полагать, что ИИ как алгоритмичная программа имеет некоторый материализованный носитель, поскольку, во-первых, сама по себе программа может быть распространена посредством применения информационных технологий (облачное хранилище) вне всякого «объективизированного носителя» (флэш-карты, дискеты и иных объектов материального мира), во-вторых, программа как последовательность кодовых значений представляет собой продукт интеллектуальной деятельности человека; причем авторство такой программы зачастую исходит из внесения модификаций в уже существующую программу, изначально даже не предназначенную для целей совершения преступления[5, С. 73].

Именно в рамках такой оценки вполне объясним отказ законодателя от адаптации уголовного закона под потребности обозначения повышенной общественной опасности преступных деяний, совершенных с использованием ИИ (не существует прямого закрепления применения ИИ). Однако отдельные элементы повышенной опасности таких деяний возможно проследить в «косвенном восприятии» норм уголовного закона [9].

Так, п. «ф» ч. 1 ст. 63 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) признаем обстоятельством, отягчающим наказание, совершение преступления с использованием программно-аппаратных средств доступа к информационным ресурсам, информационно-телекоммуникационным сетям, доступ к которым ограничен. Соответственно, применение ИИ для целей получения такой информации (к примеру, создания программы подбора кодов для получения доступа к зашифрованным веб-страницам) может быть оценено судом в качестве обстоятельства отягчения наказания. Однако первично указание на целеполагание использования программы, а не само по себе ее разработка и применение.

Косвенное отнесение ИИ к средствам также возможно отметить в ст. 138.1 УК РФ, определяющей состав незаконного производства, приобретения и (или) сбыта специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации. Особое значение приобретает примечание 1, более подробно раскрывающее понятие «специальных технических средств», указывая в частности на то, что под специальными техническими средствами, предназначенными для негласного получения информации – также подразумевается программное обеспечение для электронных вычислительных машин и других электронных устройств для доступа к информации и (или) получения информации с технических средств ее хранения, обработки и (или) передачи, которым намеренно приданы свойства для обеспечения функции скрытого получения информации либо доступа к ней без ведома ее обладателя. При всей спорности отнесения ИИ к программному обеспечению (совокупность программ, процедур и правил, обеспечивающих функционирование электронного вычислительного устройства, а также выполнение прикладных задач пользователем) мы можем отметить, что для целей уголовного преследования такое соотношение следует считать вполне применимым (не следует же декриминализовать деяние создания машинного алгоритма для целей получения персональных данных пользователя) [6, С. 232].

Способ совершения преступления, в отличие от средства, характеризуется методы, при-

емы и последовательность действий преступника, образующих систему действий в достижение единой цели [7, С. 44]. В случае с ИИ, его способность к обучению, самооптимизации и принятию решений в рамках заданных алгоритмов может трансформировать традиционные способы совершения преступлений, придавая им новые, более изощренные формы. К примеру, использование ИИ для анализа больших данных с целью выявления уязвимых жертв для последующего мошенничества или шантажа может рассматриваться как новый, технологически продвинутый способ (но только в контексте восприятия «технологичности»). Однако, конечно, ИИ не следует понимать в отрыве от самого пользователя. Первична цель человека применить программу в преступных целях. Даже при непосредственной разработке алгоритмов для совершения преступлений с целями их дальнейшего распространения без использования для личного совершения преступления (к примеру, создания алгоритмов вредоносных программ ИИ для «внедрения» в базы пользователя с последующей продажей таких алгоритмов) ИИ не становится способом совершения преступления, приобретая, на наш взгляд, иное качество уголовно-правовой оценки.

ИИ как орудие совершения преступления должен обладать характерными свойствами собственного орудия, выступать предметом материального мира, специально изготовленным, приспособленным или фактически использованным для непосредственного осуществления преступного деяния и достижения противоправного результата [8, С. 94]. В приведенном нами выше примере распространения программы для «внедрения» в базы пользователя ИИ, с одних позиций, может быть рассмотрен в качестве орудия преступления (поскольку велась продажа на объектах материального носителя, равно за некоторое представление обеспечивалась передача программы в фактическое пользование), с других, только в качестве предмета преступления, поскольку преступник действовал с целями распространения таких программ в нарушение установленного законом оборота; сама же программа была незаконно «адаптирована» под цели совершения преступления.

Отметим, если ИИ используется не как непосредственный инструмент совершения преступления, а как объект, в отношении которого совершается преступное деяние, его роль трансформируется в предмет преступления. Это может проявляться в несанкционированном доступе к базе данных, содержащей ИИ-алгоритмы, в краже или незаконном копировании проприетарных разработок ИИ, или в использовании уязвимостей самого ИИ для получения доступа к конфиденциальной информации некоторых лиц. В

таких ситуациях преступник не столько управляет ИИ для достижения своей цели, сколько оперирует самим ИИ как объектом, имеющим определенную ценность или уязвимость защиты. В иных случаях ИИ остается только средством совершения преступления. В этом смысле «нематериальность» вычислительной программы исключает оценку ИИ как «орудия» совершения преступления.

Особое значение приобретает анализ последствий, образующих объективную сторону преступления. При использовании ИИ, эти последствия могут быть как прямыми, так и опосредованными. Например, несанкционированное вторжение в компьютерную систему с помощью ИИ может привести к утечке конфиденциальной информации (прямое последствие), что, в свою очередь, может повлечь репутационные потери, финансовый ущерб или даже угрозу национальной безопасности (опосредованные последствия). Установление причинно-следственной связи между деянием, совершенным с применением ИИ, и наступившими общественно опасными последствиями является одним из ключевых элементов доказывания по категориям дел. Достаточно серьезную проблему составляет «неоднородность» оценки применения ИИ для целей совершения преступления.

Мы приведем достаточно интересное решение суда по факту применения ИИ. В суд апелляционной инстанции поступила жалоба осужденной на приговор [10]. В качестве обоснования жалобы осужденная указала на несоответствие выводов суда материалам дела: осужденная посчитала не нашедшим подтверждения вывод суда о том, что она действовала с кем-либо совместно и в группе. Осужденная отметила, что переписка с предполагаемым соучастником осуществлялась с ИИ, который нанял ее на работу, поручал проведение операций по раскладке и фотографированию тайников. Осужденная просила изменить приговор в связи с неправильным применением уголовного закона, исключить из обвинения квалифицирующий признак – совершение преступления в группе лиц по предварительному сговору. Апелляционный суд согласился с доводами жалобы и отменил решение суда первой инстанции. Указывая на недоказанность существования преступной группы лиц, суд апелляционной инстанции особо отметил, что не может образовывать квалифицированный состав преступления, а именно – совершения преступления группой лиц. В данном случае, взаимодействие с программой, лишенной статуса субъекта уголовной ответственности, не может образовывать квалифицирующий признак «группой лиц». Данное решение убедительно определяет сложность правоприменения в условиях стремитель-

ного развития технологий и ставит перед законодателем и судебной практикой задачи по адаптации существующих норм уголовного права к новым реалиям, включая определение субъектного состава в случаях, когда одной из сторон коммуникации выступает алгоритм, поскольку само создание такой программы есть проявление некоторой организованности «воспроизведения» преступлений.

Таким образом, дальнейшее совершенствование в области машинного обучения и развития автономных систем ИИ показывают, что грань между использованием ИИ как средства совершения преступления и возникновением некоторой «самостоятельности», «субъектности» может стать предельно размытой, что обуславливает необходимость постоянного совершенствования действующего уголовного законодательства. Ключевым может стать окончательное определение позиций нормативного закрепления и особенностей квалификации преступлений, совершенных с использованием ИИ.

Список литературы:

- [1] Иванова П. В. Потенциал применения технологий искусственного интеллекта в бизнесе // Гуманитарный научный журнал. 2025. № 9-1. С. 21-24.
- [2] Туров С. С. Проблема ответственности в сфере применения искусственного интеллекта // Современное право. 2025. № 8. С. 131-134.
- [3] Печерская А. С. соотношение понятий «объективная сторона преступления» и «объективная сторона состава преступления» // Инновационная наука. 2025. № 9-1. С. 91-94.
- [4] Костюк М. Ф. Цифровые технологии как средство совершения преступлений в сфере экономики и их правовая оценка // Проблемы права. 2022. № 4(87). С. 128-131.
- [5] Хасанова В. Н. Авторство продукта, созданного искусственным интеллектом: правовой аспект // Медиасреда. 2023. № 2. С. 71-74.
- [6] Капица П. А. О структуре уголовных характеристик мошенничеств, совершенных в связи с разработкой и совершенствованием программного обеспечения // Следственная деятельность: наука, образование, практика. 2022. № 2. С. 232-236.
- [7] Николаев В. Ю. Способы совершения компьютерных преступлений и использование компьютерных (информационных) технологий как способ совершения преступления // Правовая идея. 2013. № 4. С. 40-44.
- [8] Кузнецов И. В. Проблемы соотношения предмета преступления со способом, орудиями и средствами совершения преступления // Современное право. 2006. № 12. С. 93-94.

[9] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.

[10] Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 18.03.2021 № 22-1024/2021 // СудАкт: судебные нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/IIEDMWWULx5Q/?regular-txt=®ular-case_doc=22-1024%2F2021®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_id=1771916742629 (дата обращения: 24.02.2026).

References:

[1] Ivanova P.V. Potential for the use of artificial intelligence technologies in business//Humanitarian Scientific Journal. 2025. № 9-1. S. 21-24.

[2] Turov S. S. The problem of responsibility in the field of the use of artificial intelligence//Modern law. 2025. № 8. S. 131-134.

[3] Pecherskaya A. S. correlation of the concepts of “objective side of the crime” and “objective side of the corpus delicti” //Innovative science. 2025. № 9-1. S. 91-94.

[4] Kostyuk M.F. Digital technologies as a means of committing crimes in the field of economics and their legal assessment//Problems of law. 2022. № 4(87). S. 128-131.

[5] Khasanova V. N. Authorship of a product created by artificial intelligence: legal aspect//Media environment. 2023. № 2. S. 71-74.

[6] Kapitsa P. A. On the structure of criminal characteristics of frauds committed in connection with the development and improvement of software//Investigative activities: science, education, practice. 2022. № 2. S. 232-236.

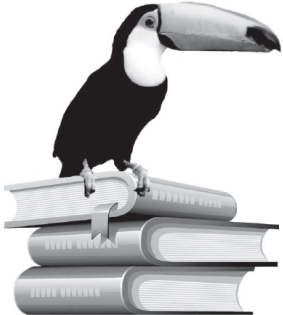
[7] Nikolaev V. Yu. Methods of committing computer crimes and the use of computer (information) technologies as a method of committing a crime//Legal idea. 2013. № 4. S. 40-44.

[8] Kuznetsov I.V. Problems of the ratio of the subject of the crime with the crime, tools and means of committing a crime//Modern law. 2006. № 12. S. 93-94.

[9] Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 29.12.2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation, 17.06.1996, No. 25, Art. 2954.

[10] Appellate ruling of the Supreme Court of the Republic of Bashkortostan dated 18.03.2021 No. 22-1024/2021//CourtAct: judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: https://sudact.ru/regular/doc/IIEDMWWULx5Q/?regular-txt=®ular-case_doc=22-1024%2F2021®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_id=1771916742629 (дата обращения: 24.02.2026).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.